

О ТОЛКОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ Хасанова Д.О. Email: Khasanova691@scientifictext.ru

*Хасанова Дилфуза Одиловна – кандидат филологических наук, доцент, докторант,
факультет узбекского языка,
Кокандский государственный педагогический институт,
г. Коканд, Республика Узбекистан*

Аннотация: семантические исследования способствуют формированию идеографических словарей и языковых корпусов. Узбекской структурной семасиологией не проделана достаточная работа в этой области. Антропоцентрическая суть языкознания отодвинула в сторону проблемы, которые необходимо было решать на основе структурных исследований. Ибо раскрытие в семасиологических исследованиях денотативных видов сем даст новые перспективные результаты.

Слово имеет посредственное отношение к сути языка. Это – явление языка. Разнообразии толкований слова связано именно с этой особенностью. Неограниченное множество толкований слова, прежде всего, определяется превалянием слов по сравнению с другими единицами языка и разносторонностью его сути. Толкование значений слова и соответствующие ему заключения определяются его методологическими основами, конкретностью практической значимости.

Ключевые слова: семасиология, лексическое значение, семема, сема, идеографический словарь, лексикография, системный подход, виды сем, денотативная сема, коннотативная сема, функциональная сема, лексика, лексема, семема, сема, содержание, смысл, значение, денотат, сигнификат, референция, концепт, означаемое, означающий, языковой знак.

ON THE INTERPRETATION OF LEXICAL VALUE Khasanova D.O.

*Khasanova Dilfuza Odilovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, doctoral Student,
UZBEK LANGUAGE FACULTY,
KOKAND STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE,
KOKAND, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: semantic research contributes to the formation of ideographic dictionaries and language corpora. Uzbek structural semasiology has not done enough work in this area. Anthropocentric essence of linguistics pushed aside the problems that had to be solved on the basis of structural studies. For disclosure in semasiologically studies denotative types of SEM will give a new perspective results. The word has a mediocre relation to the essence of language. This is the phenomenon of language.

The variety of interpretations of the word is associated with this feature. Unlimited variety of interpretations of the word, first of all, is determined by the prevalence of words in comparison with other units of the language and the diversity of its essence. The interpretation of the meanings of the word and the conclusions corresponding to it are determined by its methodological basis, the specificity of practical significance.

Keywords: semasiology, lexical meaning, semema, seme, ideographic dictionary, lexicography, systematic approach, types of seme, denotative seme, connotative seme, functional seme, vocabulary, lexeme, semema, seme, content, meaning, meaning, denotat, significat, reference, concept, signified, signifier, language sign.

УДК 413.0

Основная краса и обаяние языка, его богатство и волшебство проявляются в его лексике. Поэтому лексика языка всегда идет в ногу со временем и отражает все изменения, быстро “подхватывает” и отражает нововведения, и выделяется среди других своей динамичностью. А это всегда привлекало внимание исследователей. Необходимо учитывать и отмечать даже разовые изменения, определять их роль. Поэтому, проблема значения и его толкования всегда актуальна и спорна, “древняя и вечно молодая” проблема. Особенно, если рассматривать любую лексему, реализованную в речи, как отдельное слово, особое существо (Потебня), лексикология и лексикография языкознания всегда будет оставаться полем интересных дискуссий и без новых методов и способов исследования.

Системный подход к лексике такой же древний как языкознание. Если уж семантические различия слов есть осмысление системных связей слов, активные в настоящее время термины *системная лексикология* и *несистемная лексикология* будут оставаться относительными лингвистическими категориями. Они отличаются системными элементами единиц или функциями определения системных отношений. Иными словами, если уж по словам системологов, система не есть субстанция, а форма (структура, связь – автор) (Соссюр), следует, что основными составляющими системы являются отношения между элементами. Отрасль науки, исследующая именно эту отрасль, называется системной,

а наука, занимающаяся элементами вторичной значимости, с точки зрения системологии носит название “несистемной” лексикологии. Следовательно, в отдельных случаях, отношение субъекта и его точка зрения демонстрирует и оценку явления. Исследование великим мыслителем Алишером Навои 99 (100) глаголов, его стремление к раскрытию градуонимических связей слов и есть раскрытие системных связей слов, где мы видим системный подход.

Из сказанного следует, что в каждую эпоху изучаются различные признаки и особенности системы, по отношению к ним нецелесообразно использовать термин *системный подход*. Ибо, если предметы и явления идентичны, нецелесообразно их номинация другими словами. Следовательно, если любое научное исследование является системным, в таком случае кажутся лишними термины *несистемный, традиционный*.

Проблемы, поставленные в лексикологических исследованиях 50-60-х гг. прошлого века, нашли свое логическое завершение созданием толковых словарей в 80-е годы. Однако, как уже было сказано выше, социальная потребность эпохи, познания бытия ставит новые требования перед наукой. В частности, в настоящее время потребность в осмыслении бытия в качестве составной части целого, иными словами, целостном осмыслении окружающего мира, стремление человека к осмыслению денотата услышанного слова и термина познанного денотата обуславливают создание новых типов словарей и источников. Это – семантический словарь. Лексикологические и семасиологические исследования, осуществленные после создания толковых словарей узбекского языка, в итоге приведут к созданию идеографических словарей – а результат станет толчком для проведения новых лексикографических исследований. Превалирование в настоящее время исследования лексики языка как систему взаимосвязанных иерархических систем объясняется именно этим.

Изучение лексики как системы систем должен опираться на методологию общего и частного, целого и части. При этом, естественно, совсем не ново учет слова или равного слову назывного предложения в качестве гипонима. Однако несмотря на то, что это является семантической связью, в исследованиях “обходят стороной” семантическое соотношение единиц, в котором одна единица охватывает другие, связи семических целых и частей. Тогда как в идеографических исследованиях и идеографических словарях большое внимание уделяют тому, чтобы сема слова гипонима было модификацией семемы слова гиперонима.

Необходимо внедрять, что использование в качестве методологической основы идеи о бесконечности электронов, как и атомов, полная репрезентация свойств атома в электронах “в уменьшенном виде” способствует раскрытию семемы гиперонима и семы гипонима.

Несмотря на наличие в узбекском языкознании множества исследований о семантическом пласте слова – семеме и его единицы семы, практически отсутствуют принципы, способы и критерии разграничения сем (М. Миртожиев, ЎТА, 2008, № 1). Ибо, “язык состоит из слов. Слова, как и медальон имеют две стороны. Одна из сторон – внешняя. Внешняя сторона имеет материальную основу. А внутренняя сторона абстрактна, его невозможно увидеть, услышать” [15, 5].

Следовательно, отсутствие в настоящее время методики определения семы слова является одним из первых “барьеров” в семантических толкованиях. Несомненно, определение семантической сути и состава основ и производных слов, единиц, находящихся в отношениях целого и части, гиперонима и гипонима, успешно и продуктивно используя диалектику целого и части станет первым шагом на пути устранения этих преград. В настоящее время много разговоров идет о номинативных, выразительных и функциональных задач сем, а также об интегральных и дифференциальных семах, а задача определения количества и границ сем в структуре одной семемы остаются вне поля зрения исследователей. Поэтому востребованными остаются рекомендации признанных лингвистов методологического характера. Обобщая различные суждения о семеме, в которых её считают или не считают частью семемы [1; 2; 3; 4; 5; 8; 9; 14; 16] можно заявить, что нет возможности выявления связи семемы и семы, не применяя определенную методологию, соответственно определения межлексемных семантических отношений (основа и производная, гипероним и гипоним). А это реализуется благодаря раскрытию внешних и внутренних системных отношений.

Если под термином внешняя системная связь подразумевается микросистема, к которой относится лексема, или её место в определенном ряду, то внутренняя системная связь имеет ввиду межсемное или межсемное отношение внутри семантики слова, иными словами, составную семантическую связь. Благодаря конкретизации данных двусторонних связей открывается путь идеографической практике.

Результаты научных толкований семантической структуры лексем имеют важное значение в их горизонтальном и вертикальном определении. Иными словами, в силу того, что полная и до конца уточненная семантическая структура имеет полную информацию о слове, само толкование порождает слово или же вертикальные связи лексических единиц, расположенных последовательно на основе общей-частной диалектики, дают возможность подняться до уровня толкований “без комментариев”. Толкование синонимов или слов с близкими значениями в толковых словарях с помощью денотативного или коннотативно семантического градуирования или же обеспечение непрерывности и

последовательности их расположения в идеографических словарях на основе семантической градуонимии зависит от соответствия научного толкования семантической структуры слова объективной реальности.

Из сказанного выясняется, что научный анализ семантической структуры слова на основе последовательной дихотомии целое-часть является одной из актуальных задачи узбекской семасиологии, его темпы и уровень определяет темпы и уровень создания нового поколения словаря узбекского языка – идеографического. Следовательно, осуществление таких исследований, полностью отвечающим прагматическим требованиям, является результатом социальной потребности, в полном смысле это реализуется за счет метода дифференциально-семантического анализа, который в последнее время широко применяется в лексикологии и семасиологии узбекского языка.

В последнее время наблюдается спад в изучении семантической структуры лексем, их семического состава. Можно сказать, что в настоящее время узбекское языкознание стоит на втором этапе изучения семантической структуры слова. Первый этап отражает исследования узбекской формальной (традиционной) лингвистики, в нем были рассмотрены лексические значения слов, лексические и грамматические значения, прямое и переносное значение, основные и производные значения, моносемия и полисемия, связи слов в плане формы и содержания, эти результаты, присущие первому этапу семасиологии, характеризуются образовательной направленностью. Семасиология этого периода не называлась “семасиологией”, тогда она называлась “лексикологией”, а её достижения связаны с именами таких ученых, как Ф. Камолов, З. Маъруфов, Я.Д. Пинхасов, С. Усмонов, Ш.У. Рахматуллаев, А. Хожиев, М. Миртожиев и другие [9; 11; 13]. В это время был заложен фундамент узбекской современной семасиологии, разработанный в эту эпоху и внедренный в практику основной лексико-семасиологический терминологический аппарат и понятия применяются и по сей день и не утратили своей сути, что говорит о прочности заложенного фундамента. Однако учение о семантической структуре слова признало лексическое значение самой маленькой неразделимой составной частью слов и подготовило незыблемую почву для более глубокого проникновения в глубь семантики.

Второй этап узбекской семасиологии связан с именами известных узбекских ученых профессора Шавката Рахматуллаева и его последователей. Ученый вместе со своими последователями И. Кучкортоевым, Р. Юнусовым, И. Абдурахмоновым и др. Не только одним из первых привнес в узбекское языкознание понятия “семема”, “сема”, но и стал основоположником узбекской структурной семасиологии [16]. В этот период узбекской семасиологии проведена масштабная работа по определению семемы и семы, функциональных и экспрессивных типов сем, установлению их особенностей в разных частях речи [2; 3; 4; 5]. Популяризация в узбекском языкознании терминов *денотативная* (номинативная) *сема*, *коннотативная* (экспрессивная) *сема*, *функциональная сема*, *интегральная* и *дифференциальная сема* связано именно с этим периодом развития языкознания [3]. В результате широкой популяризации последних термины семема, сема вошли в учебники высших учебных заведений, а лексикологическое образование поднялось до уровня семасиологического образования [7]. Однако можно с сожалением сказать, что развитие и внедрение в практику узбекской семасиологии этим и ограничилось, полученные семасиологические достижения не были внедрены в лексикографическую практику, не были углублены, не сделаны дальнейшие шаги по определению денотативных видов сем и их классификации.

В настоящее время в результате развития антропоцентрического направления языкознания, интеграции с другими науками, усиливается интерес к изучению внешних сторон языка, а не скрытых и внутренних особенностей, в результате чего сокращается количество исследований, направленных на лингвистическое исследование семантической структуры и их заключения. Между тем, семасиологические проблемы, требующие решения согласно структурным основам, невозможно решить антропоцентрическим подходом.

Несомненно, стоит отметить отдельные исследования в этой области фрагментарного характера. Например, в диссертации исследователя Д. Рустамова на соискание ученой степени доктора философии по филологическим наукам изложены основательные суждения о новых гранях семемы. В частности, его взгляды о понятии национально-культурно обусловленной семы, принципах его разграничения, когнитивной структуре национально-культурно обусловленной семеме, своеобразных особенностях этих семем в различных частях речи, классификации национально-культурно обусловленной семеме, составления словарей глаголов, существительных, прилагательных на основе национально-культурно обусловленных сем должны оцениваться как новые исследования данной области¹.

Сегодня всемирная семасиология в теоретическом плане поднимается на качественно новый этап своего развития.

---

¹См: Рустамов Д. Лексемалар миллий маданият хосланган семемасининг лингвомаданият аспекти: фалс. д-ри ...дисс. автореф. – Фарғона, 2018.

По единогласному утверждению различных семантических направлений, масштабность значения слова и сложность содержания связана с его относительным микрокомпонентом – категорией семы. Слово микрокомпонент использовано с определением *относительный* в силу того, что в семасиологии семантическое деление в настоящее время дошло до семы, лишь она признана самой маленькой единицей. Однако это деление не абсолютно, благодаря развитию семасиологических исследований можно установить и составные элементы семы.

Суть языка следует искать в его фонетическом и грамматическом своеобразии. Если фонетика и грамматика составляют суть языка, лексика есть его тело, сущность. Однако язык имеет дело со словами, грамматически неформленная последовательность слов может выражать определенную мысль, утверждение. Человек как носитель языка, в основном, сталкивается с проблемой языка. Если усвоение языка протекает на основе изучения его фонетики и грамматики, богатство языка определяется запасом слов. Усвоение фонетических и грамматических явлений на самом деле протекает автоматически, хаотическим образом, усвоение лексического запаса протекает осознанно и упорядоченно. В силу этого слово всегда считается центральной единицей языка с точки зрения выражения мысли и номинации.

Раскрытие семантической сути слова, возможности выражения явлений бытия, изменение социально-мыслительного отношения к бытию способствуют изменению сути слова, иными словами, слово имеет динамический характер, это определяется тем, что всегда в действии его значение и возможности употребления. В лингвистике основательно изучены своеобразные особенности взаимоотношения в слове формы и содержания, развития значения слова, в эти законы всё более глубоко проникает лингвистическая точка зрения. Ибо, семантические законы развиваются вместе с развитием общества и каждая эпоха непрерывно “редактирует” их.

Большое количество слов в языке, наличие их своеобразных видов и типов, а также существование межъязыковых связей лишь в рамках заимствования слов, в результате которого происходит своеобразное течение семантических изменений, что отражается в языке-доноре обуславливают актуальность проблемы семантики слова. Определений слова, относительность законов, связанных с ним, значительно больше и выше по сравнению с другими единицами языка, это приводит к высокой степени обмена мыслей в этой сфере. Поэтому языковед Кассирер был вполне прав, когда утверждал, что «нет, наверное, более запутанной и противоречивой проблемы, чем проблема значения значения [4, 571].

Многогранность и разнообразие понятия значения обретает различную суть в зависимости от того с какого ракурса и в каких целях её рассматривать, в какой отрасли она употребляется. Ибо, категория значения широко используется в составлении психологических, философских, логических, семиотических или лингвистических моделей слов, в сфере искусственного интеллекта и информационно-коммуникативной сфере, а также компьютерной лингвистике. Наряду с этим, она служит опорной категорией в формировании терминологического аппарата во всех отраслях, выявлении сути терминов и их ограничении. В силу того, что понятие *значение* с одной стороны в определенной степени перекрещивается с терминами *семема*, *сема*, а с другой, термином *понятие*, а ещё с одной с понятиями *концепт*, *содержание*, *смысл* его суть ещё более усугубляется. Это обстоятельство своеобразно проявляется не только в узбекском языке, но и во всех языках мира. Поэтому сложно конкретно понять точку зрения автора, не убедившись, какой стороне обращено внимание в научных толкованиях или не определив направление анализов. Это говорит о многогранности категории значения, о том, что оно является достоянием не только языкознания, и может рассматриваться в языкознании лишь с определенной стороны. Лингвистика очень широко прибегала к помощи других наук и очень часто в терминах этих других наук определяла явления самого языка. Эта своеобразная традиция сложилась еще в классической древности и продолжает действовать в настоящее время – сменились лишь влияния наук [2, 15] или же встречаются случаи, когда языкознание рассматривает проблему в рамках “логики” от которого оно отделилось. Например, у Платона и Аристотеля понятие *значение* рассматривалась с логической точки зрения – она рассматривалась как логическая категория, оценивалась как восприятие в сознании предметов, как его отражение в сознании, характеризовалась как субстанциальная действительность. При логическом подходе космологический “предмет” связывается с антропологическим “духом”/“сознанием”, значение являлось результатом их соединения [6, 173-175]. А точнее, отражение в разуме явлений бытия на основе человеческих чувств, его “фотокопия” в сознании рассматривалась как значение. Это отражает образ мышления античного человека, но и сейчас убеждения о значении человека, несведущего о теории значения, не сильно отличаются от них. В основе таких убеждений лингвистики как “язык древен как и разум” лежит не только тезис об их неразрывности, но и бросается в глаза стремление к усилению взаимосвязи значения и предмета, всё это логический процесс в полном смысле этого слова. Логика направлений, выдвигающих тезис о генетической связи слова (значения) с бытием восходит к нему. Например, не зря во взглядах Аристотеля встречаются суждения о том, что “в каждой вещи есть дух”, “дух тесно связан с материей”.

После античной эпохи категория “значения” всё больше совершенствуется и развивается, в ней сохранился психологический подход. Например, с точки зрения основателя ассоциативной психологии Дж.Локка, слова, если они не являются знаками наших идей, всего лишь пустые звуки... Внешние предметы... воспринимаются нашими чувствами, чтобы в нашем уме вызвать отдельные идеи этих объектов... Наши идеи суть подобия чего-то в самих предметах [5, 155].

Знаковый подход к значению поднял его на новый уровень. Основатели семиотики Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис, Ф.де Соссюр, Луи Ельмслев, Р.О. Якобсон, Э. Кассирер, К. Бюлер, Р.Барт, Ю.М. Лотман, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, В.Н.Т опоров, Б.А. Успенский, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, А.К. Жолковский, И.А. Мельчук, А.А. Зализняк, Л.С. Выготский, Т.М. Николаева, Е.В. Падучева, А.Р. Лурия, И.И. Ревзин, Ю.С. Степанов, Ю.И. Левин, Г.Е. Крейдлин и другие обосновали и развили знаковую природу языка. Согласно их общему взгляду, человек живет в мире знаков, его многогранная деятельность, заключающаяся в познании и объяснении бытия, создании и донесении до следующего поколения мифов и легенд, религии, обычаев, обычаев, развитии культуры и искусства, существовании в качестве члена определенного этноса не только являются целью, средством, результатом, она также опирается на знаковую функцию языка [7, 8]. С появлением взглядов о знаковой функции языка условно разделяются означаемый и означающий.

Фердинанд де Соссюр, рассуждая об “означаемом” и “означающем”, обращает внимание на “акустический образ”, о котором негативно отзывался Дж.Локк. Значением является то, что находится в отношении соответствия (*contre-partie*) с акустическим образом. Все происходит между акустическим образом и понятием в пределах слова, рассматриваемого как нечто самодовлеющее и замкнутое в себе [8, 223]. Этим проблема о соотношении знака и значения на уровне полемики поднимается на качественно новый уровень. Эти взгляды можно разделить на две группы:

1) сторонники унитарности языкового знака признают его лишь в качестве акустического образа (А.Г. Спиркин, В.З. Панфилов, А.Г. Волков, А.А. Ветров);

2) сторонники билатеральности языкового знака рассматривают его в качестве единства формы и содержания (Л.А. Абрамян, Ф.М. Березин, Б.Н. Головин, Б.А. Серебренников, В.М. Солнцев и др.) [7, 9].

Обратим внимание на суждения А.А. Уфимцева, являющегося сторонником второй группы: “Из утверждения Соссюра о том, что языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ, не следует делать далеко идущего вывода о „дематериализации“ им языка. Ограниченность сосюрианского определения языкового знака заключается в абсолютизации существования „идеальной“ формы знака” [9, 103].

Безусловно, употребление категории *содержание* породило различные противоречия и недоразумения. Также дискуссионным остается вопрос о толковании значения и акустического образа, отличном от диалектики формы и содержания. “Содержание языка не может быть предметом изучения лингвистов, так как тогда лингвистам пришлось бы изучать внеязыковую материю, так же, как и философы-логики не изучают содержания мышления, они изучают только его формы, отражающие явления действительности. Задачей лингвистов является именно изучение форм языка, форм, способных выражения мысли в языке” [1, 354]. Поскольку если слово отражает взаимоотношения слов, иными словами, рождается от связи слов, содержание отражает мир в основе слов или его часть. Здесь ярко бросается в глаза разница между смыслом и содержанием. Содержание образуется благодаря неязыковым отношениям между явлениями бытия.

Общая черта всех направлений современной лингвистики заключается в том, что к категории значения все они относятся как к элементу языковой системы, “системной части” системной структуры. Сторонники системного подхода к категории значения, несомненно, осуществляют системный подход к понятию форма. Точнее, и форма, и содержание являются неотделимыми друг от друга элементами системы.

В языкознании с усугублением “путешествия” вглубь значений раскрываются всё новые и новые грани слова. Даже самый талантливый семасиолог не может объяснить объективно, в соответствии всем направлениям действующий в современных школах и направлениях терминологический аппарат и понятийную систему. Например, лингвист, считающий, что он умеет отличать “эмоциональное” и “понятийное” значения, “значение” (*significance*) и “обозначение” (*signification*), “перформативное” и “описательное” значение, “смысл” и “референцию”, “денотацию” и “коннотацию”, “знаки” и “символы”, “экстенционал” и “интенционал”, “импликацию”, “обязательное следствие” (*entailment*) и “пресуппозицию”, “аналитический” и “синтетический” значения, несомненно зайдёт в тупик. Ибо, разноплановость методологических основ, социальной потребности ещё больше повышает разноплановость объекта [1, 10]. Эти термины, не меняясь формально, могут получить различную суть в нескольких течениях и направлениях, выражать различные (дифференциальные) сути. В отдельных толкованиях значение и мысль, значение и понятие, значение и содержание отождествляются, а в других каждый из них толкуется согласно собственной сути. Обратим внимание на следующую мысль: “Связь, существующая, как правило, между знаком, его смыслом и его значением, такова, что знаку

соответствует определенный смысл, а этому последнему – определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) принадлежит не только один знак” [11, 39]. Если обратить внимание на определение, вначале обосновывается симметрическое отношение между элементами, а затем отмечается асимметрия. Кажется, что последнее утверждение о симметрическом подходе, преждее утверждение об асимметрическом подходе логически чужды. Ибо, симметрия между означающим и означаемым может существовать лишь в том случае, когда есть симметрия между содержанием и значением. Мысль о том, что знаку соответствует определенный смысл, а смыслу – определенное значение, одному значению (одному предмету) принадлежит не только один знак, показывает её логичность. Несомненно, заслуживает внимания нижеприведенное утверждение: “Смысл – это то, что бывает усвоено, когда понято имя, так, что возможно понимать смысл имени, ничего не зная о его денотате (референте), кроме того, что он определяется этим смыслом” [10, 20].

Г. Стерн подходит к значению слова иначе: “Значение слова в реальной речи идентично с теми элементами субъективного понимания обозначаемого словом предмета говорящим или слушающим, которые, по их представлению, выражены этим словом” [12, 15]. Как выясняется, Стерн под термином значение подразумевает индивидуальное обозначение. Диалектически правильно понимать общее значение как содержание, а его частное – как значение. Несомненно, при этом значение терминов рассматривается как условные обозначения, мы поддерживаем мысль, о том, что они не исходят из генетико-этимологических значений.

Р. Карнап анализируя критерии значения, выражает свою мысль по отношению к упомянутому нами выше категории отношения: “Если значение слова определяется его критерием (другими словами, отношениями выведения его элементарного предложения, его критерием истинности, методом его верификации), то после установления критерия нельзя сверх этого добавлять, что «подразумевается» под этим словом” [3, 15].

В целом, анализ толкований сути значения говорит о наличии в мировой лингвистике множества определений и толкований понятия значение. Несомненно, признавая заключение исследователей о многогранности категории значения, следует отметить, что изложение исследователем своей точки зрения с уточнением какому аспекту объекта он имеет ввиду, поможет читателям разобраться в этих многочисленных определениях. Наряду с этим, важно, каким взглядом руководствовался исследователь и какую методологическую основу он применял. Кроме того, конкретизация цели исследования, границ намечаемого практического применения обеспечивает “усвояемость” излагаемых мыслей. Например, при проведении семасиологических исследований в лексикографических целях, больше внимания уделяется синтаксической связи слов, а не фрагментации семантической структуры. Семантическая валентность стоит в центре внимания семасиологических исследований, в этих анализах красной нитью проходит отношение к этой сути.

Список литературы / References

1. Галкина-Федорук Е.М. О форме и содержании в языке // Мышление и язык. М: Госполитиздат, 1957. С. 352-406.
2. Звезинцев В.А. Семасиология / В.А. Звезинцев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 323 с.
3. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка [Текст] / Пер. А.В.Кезина по кн: Erkenntnis / Hrsg. Carnap R, Reichenbach H. Leipzig, 1930-1931. Bd. 1. // Вестник МГУ, сер. 7 «Философия». № 6, 1993. С. 11-26.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке. М., 1998. С. 571.
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме [Электронный ресурс] // Избранные философские произведения в двух томах. Т. I. М., 1960. С. 153-162 / пер. с англ. А.Н. Савина. Режим доступа: publ.lib.ru/Archives/.../LOKK_Djon/_Lokk_Dj..html/
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон [Текст] / А.Ф. Лосев. М.: Искусство, 1969. 716 с.
7. Кадирова Х.Б. Классификация эвфемистических средств по семантическому объёму.// Вестник науки и образования. № 23 (77). Часть 1. М.: «Проблема науки», 2019. С. 39-43. <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-efemisticheskikh-sredstv-po-semanticheskomu-obyomu/> (дата обращения: 18.06.2020).
8. Кадирова Х.Б. Классификация по структуре формы эвфемизмов в произведениях абдуллы кадири // Вестник науки и образования № 8 (86). Часть 1. М.: «Проблема науки», 2020. Р. 51-54. <http://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/86/klassifikatsiya-po-struk.pdf> <http://scientificjournal.ru/a/114-fil/1438-klassifikatsiya-po-struk.html/> (дата обращения: 18.06.2020).
9. Kadirova Kh.B., Abdullaeva Ch.B. Lexico-semantic aspects: national applied and fine art terms//Journal of Critical Reviews. Vol. 7, Issue 4, 2020. DOI: <http://dx.doi.org/10.31838/jcr.07.04.87/> (дата обращения: 18.06.2020).